

УДК 316.77:323.233

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН МЕСТ ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ ПРОТЕСТНЫХ АКЦИЙ

А. Х. Аглиуллина

POLITICAL DESIGN OF PLACES FOR HOLDING MASS PROTEST ACTIONS

A. Kh. Agliullina

В статье рассматриваются политические функции публичных мест, политический дизайн и идейное размежевание, смыслонаполненность и сегментация территории города, границы пространства протеста. Автор поднимает проблему символизации политического пространства города и массовизации политического участия в протестных акциях.

Political functions of public places, political design and ideological demarcation, implication and segmentation of the city territory, and bounds of the protest space are considered in the paper. The author raises the problem of symbolization of the city political space and political participation of the masses in the actions of protest.

Ключевые слова: дизайн политический, политика публичная, пространство городское, сегментация территории, участие политическое, массовизация протеста, символ, локализация политического пространства.

Keywords: political design, public policy, city space, segmentation of the territory, political participation, political participation of the masses, symbol, localization of the political space.

Общественная жизнь исторически сопровождалась выделением локализованных территорий, где люди могли бы собираться вместе и обсуждать общие дела, принимать решения, встречаться с важными для города лицами. Постепенно пространство публичных встреч приобретало политические функции. Стихийно фиксированное как локализованная «точка» постоянных встреч, действий, место закрепляло возможность поиска соратников и противников политических взглядов, проявления гражданской сопричастности, солидарности, либо противостояния власти, определённым группам политических субъектов. На этих локализованных пространствах можно было кого-то выкрикивать на княжество, кого-то наказывать.

Выбор мест осуществлялся по нескольким критериям: излюбленность стихийных сборищ, назначение со стороны «начальства», безопасность собравшихся, демонстративность для горожан и т. д. Среди пунктов сбора граждан преобладали рынки, широкие улицы, сходящиеся в одном месте по максимально короткому и лёгкому маршруту. Так появились площади и радикальные подходы к ним. Назначение публичных мест: выявить мнение народа, сообщить решения правителей, принять совместное решение, объявить о санкциях, сообщить новости, касающиеся благополучия или бедствий людей, нашествий врагов или побед над ними.

Прокатившиеся в последние годы по некоторым странам мира «оранжевые» революции, стихийные выступления подростков и молодежи из окраин столиц (Франция), массовые вооруженные столкновения в странах Ближнего Востока, затянувшиеся военно-политические конфликты в Ираке, Ливии и др. странах имеют резонанс, служат раздражителем, провоцируют радикализм. Не избежало этого и российское общество.

Детонатором послужили, как это часто бывает в политической практике, предвыборные баталии, выборы и их результаты, не устраивающие часть общества. Кроме того, в обществе сохранились «недосказанности», неопределенности «лихих 1990-х», прин-

ципальная нерешенность проблем социального меньшинства, недоверие к политическим противникам, демократическим процедурам, а также стремление некоторых ранее известных участников политического процесса взять реванш и вернуться во власть. Это происходит на общемировом фоне «полевения» настроений и действий масс и в русле выборных мероприятий, когда правящим силам невыгодно применять излишнее силовое воздействие к нарушителям правил проведения протестных массовых акций. Российские организаторы протестных акций избрали своей экспериментальной площадкой столицу с использованием тактики «подтягивания» недовольных провинциалов и стойких соратников в столицу и создания неких образцов протестного движения.

Выступления граждан 2011 – 2012 гг. в Москве задали избранным публичным территориям города новое значение. Вопрос, с кем Вы, даже не поднимался, люди выбирали, куда пойдут: на Поклонную гору или на Болотную площадь. Символ белой повязки (антипутинцев) стал близок некоторым известным представителям научной интеллигенции, в том числе и в таких сибирских городах, как Новосибирск. Не менее известные политические и научные деятели публично обосновывали, почему они пойдут на Поклонную гору, а не туда, где верховодят новые лидеры вместе с бывшими крупными чиновниками. Вырабатывались позиции и определялась мотивация выбора.

В наше просвещенное время ключевые фигуры политического участия уже не искали ответа на наивный вопрос: «Ты за кого: за большевиков али за коммунистов?» Уловки заключались в стремлении соответствовать процедуре проведения массовых акций, найти выразителей своих или близких идей, выдвинуть рядом с вдохновителями протеста те фигуры, которые станут привлекательными для любознательных или романтически настроенных на протест участников акций, не вдаваться в идеологические и политические замыслы, сосредоточившись только на фактической стороне недовольства, а в подходящий момент

заявить о более масштабных намерениях и амбициозных притязаниях. Это Вам не манифесты Емельяна Пугачева, это экспресс-движение в политику, поскольку за одну-две акции новые лидеры успевали создать имидж непоколебимых и жертвенных борцов за справедливость и честь народа, вдохновители успели провести переговоры о «братском союзе» ради создания партии ПАРНАС и о Манифесте протестного движения. Но движение явно партизировалось, претензия на власть стала очевидной. Уже оглашено о намерении радикального слома политической системы России, да и предстоящие выборы в муниципальные органы власти становятся желанной ступенькой во власть. Например, ярая защитница Химкинского леса г-жа Чирикова заявила о намерении выставить свою кандидатуру в мэры г. Химки в Подмоскovie. Надеюсь, что защитники неприкосновенности массивов Химкинского леса станут ее избирателями, а другие протестные силы не станут выдвигать своих кандидатов в мэры. Итак, экспресс-движение охватывает две основные тенденции: массовизацию политического участия и партизацию социального протеста. Есть и третья, сопровождающая тенденция, заложенная как возможность, угроза организованным массовым акциям – это охлократизация масс.

Определение мест проведения мероприятий было результатом согласования между организаторами акций и разрешающими органами. Субъекты при планировании места выступления стремились сформировать результативную конфигурацию пространства публичной политики, сократить дистанции между сторонами публичного диалога, ориентировать выступление, чтобы быть максимально услышанными и увиденными. Напротив, разрешающие органы институционализировали, упорядочили, отграничили места протеста, аргументируя это необходимостью решения проблемы безопасности и порядка.

Болотная площадь, локализовавшая протест, – центр острова, отделённого от города Москвой-рекой, Водоотводным каналом. Данное место функционально слабое, низкоэффективное при организации публичных мероприятий: безразрывное окружение водой, вытянутая форма площади, низкая пропускная способность мостов-связок, что вызвало ограничение входа протестующих уже через час после начала митинга. Антагонистом Болотной площади выступила Поклонная гора, имеющая необходимый для проведения публичных мероприятий формат и соответствующее расположение, ставшая местом проведения митингов сторонников правящего сегодня режима, любых социальных и политических сил под флагом патриотизма.

В итоге наблюдается идейное и политическое размежевание по местам публичных встреч. Публичные акции отражали определенный порядок, где позиция фиксировалась в физическом пространстве, дистанция между позициями – в дистанции между местами. Кроме того, пространство обрело черты политических субъектов, присваивающих данные места. Наименования улиц, бульваров, площадей стали смыслонаполненными, закреплёнными за позициями участников, понимались и разделялись присутствующими.

Сформированное пространство протеста Болотной площади отграничивалось посредством рамок металлоискателей, дислокацией колонн представителей специальных служб, «стен» мобильного предметного окружения (автомобилей специальных служб, заграждений). Как описывают непосредственные участники митинга, несколько кругов охранительных перекрытий создавали буферные зоны, либо разреженно наполненные представителями специальных служб, либо физически пустые, свободные, что исключало противостояния типа «лицом-к-лицу» на границе протеста.

Оказаться по ту или иную сторону рамок значило оказаться в различных пространствах политики. Например, Кремль и Красная площадь – институционализированное центральное пространство сосредоточения власти. В данном пространстве протестующими субъектами совершались лишь эпизодические разрозненные «гуляния» со знаками протеста (белыми лентами, надувными шарами с надписями-лозунгами). Это вело к оперативному вытеснению протестующих с территории площади, поскольку политически окрашенные «гуляния», на деле – демонстративные протестные акции, в местах сосредоточения государственной власти и ее символов не были санкционированы, не были официально согласованы.

Город материализовал протест. Протестующим важно выйти на улицы с целью сделать выступление публичным. Согласно П. Бурдые, сделать публичным – значит объективировать, представить видимым, должным, официальным, открыть доступ к объективному или коллективному существованию [1, с. 108]. Происходила взаимофиксация присутствия «тел» противоборствующих. Место служило физическим центром протеста города, страны, центростремительной точкой притяжения «тел». Митинги в Москве собирали граждан – «паломников» из других городов. Собравшиеся выражали благодарность пришедшим, отсутствующие – приносили извинения за невозможность нахождения (познаваемого посредством чувственного опыта) в месте проведения митинга.

Вертикально высоким центральным местом служила сцена. Возвышенности, позволяющие существовать «над» протестом – остановки, скамейки, урны – собирали группы субъектов с наиболее яркими и крупными плакатами, транспарантами и флагами. Горизонтально местами концентрации были граничные территории. Площадкой Болотной, визуально транслирующей цель и идеи митингующих, стала набережная, пространство вдоль ограждений, мост. Форма моста способствует удобной растяжке плакатов с лозунгами большого размера, пустое пространство над и под сооружением акцентировало внимание публики на скоплении протестующих.

Материальное наполнение Болотной площади перестало существовать исключительно физически, трансформировалось в символ. Характерно, что параметры площади дополнили протестный новый смысл места. Заметим, что романтическое, опьяняющее вдохновение испытывают люди со склонностью к лидерству, наконец-то, увидевшие себя слегка над толпой. Н. К. Михайловский называл их в статьях о геро-

ях и толпе «вожаками» [2]. Вождями «вожаки» становятся редко и при ином стечении обстоятельств.

Болотная площадь обладала историей: ранее служила местом народных гуляний, кулачных боёв, публичных наказаний преступников, включая смертную казнь царевичей, лидеров смут и народных восстаний, выступающих против власти. Однако указанные тексты культуры не актуализировались протестующими при проведении современных политических акций. Участникам было не до исторического прошлого. Главным было актуализировать новую тему протеста (пересмотр выборов, отставка президента и правительства, новые процедуры, облегчающие захват власти якобы новыми силами) и продемонстрировать массовый характер поддержки этих тем и идей.

Митинговое «да!» вдохновляет организаторов не меньше, чем организаторов выборов крайне больного Б. Н. Ельцина с его публичной «пляской» на помосте и агитками – бюллетенем с «да-да, нет-нет» при соответствующей «галочке» в клеточке с «да». Во время массовых протестных акций срабатывает охлократический эффект, когда организаторы теряют бдительность, не могут обеспечить до конца «игру с властью» по правилам, теряют контроль над массой, не могут противостоять всплескам агрессии, провокационным «вставкам» со стороны кого-то, а митингующие оказываются втянутыми в нарушенные конфигурации

движения, над всеми царит безнаказанность, никто не думает о последствиях и не предвидит их.

Могущественное чувство «массовки» захватывает, появляется симулякр (по Гидденсу) всемогущества массовки [3]. Об ответственности не размышляют, достаточно эмоционального притяжения к массовой силе. Но что этой силе вполне может противостоять сила закона, сила власти, наконец, сила того подавляющего большинства, которое пока молчаливо, не заполняет улицы, а только дает понять, – об этом не размышляют участники. Порыв, эмоциональная разрядка, сопричастность, единение, – вот какой охлократический эффект доминирует над протестной акцией.

Болотная площадь стала смысловой точкой отсчёта во времени, барьером в политической и гражданской памяти протестующего меньшинства. В этой среде появились всем понятные выражения «После Болотной ...», «До Болотной ...» и т. п. Благодаря событиям, опыту Болотной площади, пережитому небольшим числом лиц, символ данного места стал характеризовать бывшую локализованную периферию как доминанту пространства протеста. Болотная, став местом реализации публичного потенциала, общественной потребности определенных категорий граждан, внесла разнообразие в профиль действующих политических сил и была «нанесена» на карту городского пространства публичной политики.

Литература

1. Бурдье, П. Социология политики: монография / П. Бурдье; пер. с фр. Е. Д. Вознесенской [и др.]. – М.: Socio-Logos, 1993. – 355 с.
2. Михайловский, Н. К. Герои и толпа / Н. К. Михайловский // Избранные труды по социологии: в 2 т. – СПб.: Алетейя, 1998. – Т. 2. – С. 5 – 92.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. Тюриной И. – М.: Акад. проект, 2003. – 525 с.

Информация об авторе:

Аглиуллина Альмира Хайдаржановна – соискатель канд. дис. на кафедре социологических наук КемГУ, 8(3842) 64-65-89, almiraa@list.ru.

Almira Kh. Agliullina – post-graduate student at the Department of Social Science, Kemerovo State University.